

Сергеев Евгений Никитович

Воспоминания Сергеева Евгения Никитовича – полковника запаса, ассистента кафедры подъемно-транспортные, строительные, дорожные машины и оборудование» ДонНАСА, создателя и основателя филиала музея ДонНАСА «История Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.», уроженца Сталинской области Артемовского р-она, деревни Ново-Александровки (Пийновка) сейчас город Соледар:

Победа! День Победы!

«Праздник Победы! Слово то, какое – День Победы! Для нас тогда в 1941 году было это слово незнакомое и чужое. Я тогда часто слышал фразы: «наши уходят», «наши отступают», иногда говорили, что просто «наши драпают».

Октябрь, дожди, дожди. Трактора на железных колесах с зацепом, по ось в грязи, с трудом преодолевают дорожную грязь. Подводы, лошади, ревущие коровы, отдельно бегающие жеребята в поисках своих мам. Уныло бредущие люди с суровыми лицами. Красноармейцы, тянущие пушку на двух волах. Дед мой, участник первой Мировой заметил с душевной болью: «ну довоевались!». Смотрим, к нам подходит командир, в накидке, в фуражке с красным околышем в светло-зеленой гимнастерке, весь в ремнях с револьвером на боку. Поздоровался, не помню его беседу, но когда уходил, сказал, обращаясь к нам: – «мы еще вернемся, все это временно, немца мы побьем».

Темнело, шел дождь, а люди угоняли на восток скотину, увозили ценное имущество. Утро было прохладное, без дождя и вдруг со стороны колхозного стана вознесся к небу огромный столб огня, язык пламени накренился почти горизонтально и прометнулся метров на 200. Я был напуган, казалось еще миг и это пламя меня поглотит! Оказывается – это горели огромные скирды соломы. Безвластие. Люди с каким-то ожесточением грабили все то, что осталось на складах. Снарядили и нас с братом на станцию «Соль» – это в 4 км. от Ново-Александровки, где мы собирали с пылью зерна килограмм по 2-3.

Ударили заморозки. Дороги стали проезжими и вскоре на ул. Великой появился немецкий броневик, потом со стороны Свердловки выстрелы и все стихло. Тут же появились чужие люди в странных военных мундирах смеющиеся, беззаботные, но вот на улицу выбегает курица. Все три немца (да это были они) присели, прицелились и выстрелили. Курица затрепыхалась, к ней подбежал солдат, схватили за крылья окровавленную курицу, и с хохотом преподнес трофей своим товарищам. Таким образом, лишились жизни еще несколько куриц.

А потом немцы, человек 10, ставшие на постой, посреди огорода соорудили в виде поперечин каждый свой туалет.

А потом было, что-то вообще страшное. Были арестованы активисты советской власти, в том числе и мой родственник Кужушко, без одной ноги, у которого был сын моего возраста и дочь 1,5 лет. Был арестован 16-ти летний мальчик, якобы зам. секретаря комсомольской ячейки, кажется, его фамилия было Савышко. Всего было арестовано 10 человек. Их заперли в клунях, где они провели ночь, а этот мальчик всю ночь рыдал и это слышали люди рядом живущие. Часам к 10 утра на следующий день их отвели к силосным ямам и расстреляли при собравшемся народе. И застрелили 2-х пленных красноармейцев, которые доотрывали эту силосную яму. Убито было двенадцать. Что думал мой родственник, идя на смерть мимо своего дома? Вопрос открыт.

Пришла суровая зима. Немецкие части перемещались, фронт проходил по Северскому Донцу в р-оне г. Ямы. Стреляли, летели снаряды. Под окном где мы с матерью сидели на столе что-то с грохотом воткнулось в фундамент нашей хаты. Я выбежал, смотрю, торчит в фундаменте снаряд. Соседский мальчишка, мой друг Петька, ну, наверное года на два старше меня, выбежал на улицу, как и я собирать осколки. Снаряд угодил в его дом в фасадную часть. Странно выглядел дом без передней стены. Осколком убило Петьку, и одновременно была смертельно ранена его мать. Какой был прекрасный мальчишка, рыжий, мордочка всегда красная от мороза, и всегда улыбающийся. Был жоаком. После войны пришел с фронта его отец, посетил эту пустующую хату. Мы мальчишки окружили его и смотрели на его медали, ордена. Он сидел в углу под образами и утирал слезы. О чем он тогда думал, не знаю, но вид его был очень ужасен от горя. Больше его я никогда не видел. Куда-то уехал.

Бронепоезд стоял на путях Артемовско-Попасная, от нас км. 1,5 и бил снаряд за снарядом, и бил и бил за Юрчену гору, где вероятно находились красноармейцы. Бабушка окна закрывала подушками и просила меня не подходить к ним, прятались под кроватью. Вдруг с шумом была сорвана ставня с окна. Бабушка начала молиться. На ночь приходили немцы, грязные, холодные, голодные и сразу к печке. Давай громыхать крышками. Кричали «матка – яйцо, млеко. Корошо?». Грели воду, мылись, бегали в длинных рубахах до колен. Оружие у подоконника.

Я вспоминаю огромное немецкое кладбище. Аккуратные могилки, ровненькие кресты и немецкого солдата, идущего вальжной походкой с краской и кисточками для покраски крестов. Били нас полицейские как детей красноармейцев. Били за то, что мать политически не благонадежная. Топтали в грязи. Было больно и обидно.

Голодуха. Мамалыга, а еще немножко растыканная и туда влили подсолнечное масло. Макуха – прелесть. Вкус хлеба не помню.

Весна, май 1942 г. с дедушкой стоим ночью на крыльце и слышим раскаты грома и зарницы. Увы, это не весенняя гроза, а бьют наши немца в районе Изюма.

Хмурый день. Низко, над домом летел темно-зеленый, со звездами на крыльях, одномоторный самолет. За ним черный шлейф дыма и яркое пламя возле мотора. «Подбили, подбили» – кричали женщины и дети, которые видели пылающий самолет

через дорогу. У Вовченков стоял сдвоенный пулемет на карусели, возле него суетились немецкие солдаты, вращали турель, а наводчик стрелял и стрелял по самолету. Пролетев километра полтора. Самолет упал. Мы бегом туда. Весь самолет был охвачен пламенем, подойти близко не было возможности. Тело погибшего летчика было перенесено в парк г. Соледара, где установлен памятный знак. Я часто вижу эту страшную картину, и хотелось бы знать, какие мысли были у этого летчика перед смертью. Кто этот неизвестный герой? Кажется, и до сих пор не установлена его фамилия.

По ночам сидели все у печки. Тепло и жизнь хороша.

Зимой 1943 г. – февраль, наверное, пришли наши. В доме переполох. Бабушка пришла с улицы и крикнула со слезами – «наши, наши пришли!»! Что-то накинута на себя и на улицу. Морозный и удивительно солнечный день, и вот они, наши! Идут в строю. В полушубках с автоматами, наверное, человек двадцать, они красноармейцы с улыбкой и мы счастливы. Где вы те красноармейцы той поры, которые освободили Ново-Александровку Артемовского района? Взглянуть бы на вас, обнять вас. Отзовитесь.

Но снова пришли немцы, и вижу, у соседа Давыденко сохнут на морозе три полушубка в кровавых пятнах. У некоторых полицаев и мужиков вижу хорошие валенки, но сзади разрез почти до пят. Почему?

Морозный день и вдруг рев мотора. Советский ястребок с огромными красными звездами, очень низко над нашей крышей. Выбегают немцы и ведут бесприцельный по нем огонь с винтовки. К стреляющему немцу подбежала моя подружка Юля Ахматова, стала дергать его за рукав и кричать – «не стріляй, там мій тато, не стріляй!». Тот стукнул ее прикладом, и она покатила с крыльца на землю. Где ты теперь, Юлька? Самолет резко повернулся и тут же исчез, как и появился.

Лето. Бомбежка. Я прячусь в трубе водостока под дорогой. Земля уходит, куда то вниз, потом снова подъем. Вой самолета и вой падающей бомбы. Наступила вдруг такая тишина, что слышно, как стрекочет кузнечик. Проводы двух моих теток в Германию. Красные товарные вагоны с небольшими окнами под крышей, и слышу: «Женька прощай, прощай».

Бабушка часто молилась за своих дочерей угнанных в Германию. Ходила печальная с гримасой боли на лице.

Жарко. Немец сидит в комнате за столом и рассматривает цветные открытки каких-то дядь с толстыми щеками, ну и других. Я сижу напротив играю с патронами к русской винтовке. С улицы кто-то крикнул: – «Вили». Этот бросил рассматривать открытки и ушел на улицу. Подходит бабушка, посмотрела быстро на эти открытки, нашла кого-то с толстой мордой, закусив губу стала с остервенением ногтем большого пальца, выковыривать ему глаза. Послышались шаги, возвратился Вили. Бабушка бросила это занятие и спокойно пошла вон из комнаты. Немец подошел к столу и увидел содеянное, крикнул что-то и стукнул меня по шее. Я как ошпаренный бегом с комнаты и спрятался в огороде.

Танк Т-34. Немцы-фаустники учились стрелять. Танку всё-таки башню снесли.

Эвакуация. Посадка. Рытье окопа. Лежим. Взрывы в г. Артемовске. Поднимается светящаяся гора камней вверх метров на 50 подобно пирамиде и все вдруг рушится вниз.

Возвращение. Вот и моя деревня. Одна треть хат были сожжены. У нас сгорел сарай и все внутри хаты, кто-то успел потушить, и на всю жизнь остался неповторимый запах сгоревшего жилья. Разрыв снарядов и разлет осколков по листьям подсолнуха, и смерть мальчишки, моего друга Сергея от осколка. А на встречу Красная Армия. Чем питались, я уже не помню. Хлеб был на базаре дорогой. Очень! Стали восстанавливать соляные шахты №1 и №2. Заработал колхоз. Появилась одна единственная «полуторка». На ней ездил ее восстановивший мой двоюродный брат, который сбежал на фронт в 14 лет. Был тяжело ранен и вернулся домой, где-то в конце 1944 г.

Мой первый класс 1944 г. нет тетрадей, карандашей. Помню коричневый мокрый сахар и кусочек маленького хлебушка, который нам давали в школе.

Все ждали конца войны. Все чаще и чаще слышны были победоносные марши по радио. На шахте №2, на фасадной стороне здания висела огромная карта Европейской части СССР и Европы, и там ежедневно отмечали линию фронта. Вот взяли Будапешт. Вот наши подошли к реке Одер, и вот бой за Берлин. Ну, когда же мы будем праздновать победу? Когда?

Вот наши войска ворвались в Берлин. 30 апреля Красное знамя водрузили над Рейхстагом.

Просыпаюсь от уличного шума в нашем доме. Все встревожены, взволнованы. Все выбежали на улицу. Левитан, по радио, где-то около пяти утра объявил о том, что Германия безоговорочно капитулировала, что это победа нашего народа.

Такое сладкое, такое любимое мое слово Победа. Наконец-то дождались!»

Вернигора С. А. по материалам фондохранилища музея ДонНАСА.